

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТЕСТ НА ДОВЕРИЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Тест на доверие : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-239848-3

Два года назад старший лейтенант Мария Лунина осталась сиротой: родители потеряли прибыльный бизнес и покончили с собой. По настоянию старшего брата Маша перебралась в Москву и служит с ним в одном отделе, но постоянно проявляет характер. Вот и теперь она мешает Михаилу закрыть дело о смерти гражданина Лебедева, признанное самоубийством. Въедливая и дотошная Маша находит доказательства того, что Лебедев не покончил с собой, а был убит. Перед этим он лишился прибыльного бизнеса, как и ее родители. Схема одна, значит, преступники те же самые? Но кто же они?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2026
© Оформление.
ISBN 978-5-04-239848-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА I

Он, прищурившись, смотрел на яркое солнце сквозь темные стекла. Через очки оно не слепило. Казалось просто дырой с ровными краями в голубом полотне небес.

Он опустил взгляд, осмотрев улицу.

Листья, трава, цветы на клумбах — все казалось серым, в цвет асфальта. Яркие летние наряды прохожих — ничего не подозревающих, улыбающихся, хмурых, спешащих по своим делам — тоже не имели цвета.

Все краски жизни скрадывали черные стекла его новых недорогих солнцезащитных очков. Он купил их пять минут назад в ларьке в двадцати метрах от скамейки, на которой сейчас сидел и отсчитывал минуты. Последние минуты своей жизни.

Он очень четко осознавал, что через какое-то время его не станет. И тому была очень веская причина. Гораздо серьезнее той, что заставила бы его остаться в этом мире. Ее и не было! Его здесь уже ничего не держало!

Наверное, поэтому ему хотелось уйти из мира, лишённого яркости жизни. Покинуть мир,

ставший для него серым. С душой, покрывшейся толстым слоем серого пепла сожженных надежд и искаженной действительности.

Поэтому он выбрал очки с самыми черными стеклами из всех, что были выставлены на продажу. Жаль, что они не способны подавлять и звуки. Те врывались в его мозг из искаженной черными стеклами безликой реальности — грубо, громко.

Визг тормозных колодок, истеричный хохот, громкий плач младенца. Это отвлекало его. Не мешало его намерений, вовсе нет. Отвлекало! Он должен был мысленно пройти по своему плану еще раз. Чтобы не оплошать, не промахнуться, не запаниковать. А громкие звуки сбивали его с толку.

— Мужчина, тут свободно?

Его взгляд выцепил рваные босоножки на съеденной косолапостью пробковой подошве. Худые икры с пушком рыжих волос, подол ситцевого платья или сарафана. Он не стал смотреть выше. Просто кивнул. Поднялся со скамейки. И пошел в гостеприимно распахнутые двери ресторана.

Пора! Тот, кого он ждал, только что выбрался из машины. Непременно с кряхтением. Этот, с позволения сказать, человек всегда кряхтел. При малейших физических нагрузках. Потому что был грузен и неподвижен.

А зачем ему было двигаться? Этим за него занимались другие. А он сидел в своем дорогом кожаном кресле и приводил в движение целый рой трудолюбивых пчел-людишек. Даже голову редко поворачивал, только шевелил перстами и устами.

И так вот, не поворачивая головы и не двигая телом, он подминал под себя человеческие жизни. Превращал простых смертных в удобрение. И что самое страшное — даже этого не замечал!

Но сегодня, уже сейчас он оборвет существование этого жирного монстра. Он застрелит его. И затем застрелит себя. Потому что жить потом с клеймом убийцы он не сможет. Да и не для кого ему теперь жить. Он остался совсем один. Кого-то, даже не заметив, забрало себе это огромное чудовище. Кто-то покинул его сам. Не пожелал разделить его скорбь и обиды. Просто отвернулся, и все.

Зачем, скажите, ему тогда жить? Незачем. Он выполнит миссию и покинет этот бранный мир.

Не глядя вперед, только себе под ноги, он с трудом преодолел все пять ступеней. Он точно знал, что их пять. Он же готовился. Сейчас следовало протянуть руку и схватиться за створку распашных тяжелых дверей. Ноги совсем его не держали. И не потому, что он трусил. Просто он не ел последние два дня вообще ничего. Только пил воду, и все.

Он обошел высокого малого — одного из охраны, залипающего в телефоне, взялся за дверную ручку той створки, что справа. Шагнул внутрь и сразу за порогом очутился в прохладном темном холле. Зеркало напротив входа отразило его смутный силуэт. Слева гардеробная. Сейчас закрыта. Начало осени, очень тепло, кто станет сдавать легкую кофточку или пиджак?

Справа вход в зал для посетителей. Там, он точно знал, прямо напротив входа у дальней сте-

ны без окон всегда столовалось это жирное чудище. Жрало много и с удовольствием.

Сейчас он прервет его трапезу. Навсегда!

— Мужик, ты куда?

Неожиданное препятствие. Как так? Его охрана в это время никогда не торчала у входа.

— Я хотел пообедать, — стараясь, чтобы голос звучал обыденно, ответил он.

И снял наконец солнцезащитные очки.

Яркие краски обеденного зала мгновенно ослепили. Небесно-голубого цвета стены, белоснежные портьеры, такие же скатерти. Народу немного, но все нарядно одетые, красиво причесанные, особенно женщины.

— Придется тебе, уважаемый, пообедать в другом месте, — вполне себе миролюбиво произнес охранник, не сдвигаясь с места и не освобождая ему проход.

— Почему? Я просто хотел пообедать. Мне нравится здешняя кухня.

Он все еще пытался стоять на своем, хотя и понимал, что операцию провалил.

— Сегодня здесь закрытое мероприятие, — не повышая голоса, пытался объяснить ему вежливо охранник. — Впускать никого не велено.

— Но как же так?

Он чуть не плакал, чувствуя, как пистолет под ремнем брюк давит ему на позвоночник. Пустить его в ход именно сейчас, устраняя препятствие в лице охранника, он не имел права.

Во-первых, был риск, что охранник среагирует и перехватит его руку.

Во-вторых, он мог задеть кого-то из красиво одетых гостей.

В-третьих, охранник не был целью. Он ни в чем не виноват. Он просто наемный сотрудник. Один из роя пчел-человеков.

Смириться? Отступить? Подождать другого момента?

— Ты подожди в холле, мужик, — неожиданно проявил к нему сочувствие охранник. — Мы тут недолго. Максимум полчаса. Потом и пообедаете.

Ну разве мог он убить такого доброжелательного человека?

— Хорошо. Я подожду, — смирился он, отступая.

Через мгновение дверь зала захлопнулась, скрывая от него нарядную публику. Его главная цель осталась там — за дверью. И снова будет жрать, пить, оглушительно ржать. Как всегда.

Ладно! Он терпеливый. Он подождет. Не в холле, нет. Там слишком прохладно и мрачно. И там огромное — во всю стену — зеркало. Оно станет ловить его жалкое отражение, еще раз подтверждая всю никчемность его существования.

Нет. Он выйдет на улицу и сядет на ступени. На самую верхнюю. И подождет.

Нацепив на нос солнцезащитные очки, он вышел из ресторана и наткнулся взглядом на того самого охранника, что пропустил его в ресторан, даже не обратив на него внимания. Сейчас телефона у него не было. Сцепив руки на уровне паха, он стоял на самой верхней ступеньке и вни-

мательно отслеживал пешеходов, проходивших мимо. Да, телефон обнаружился зажатый в правом кулаке. Этот суровый малый точно не позволит ему усесться на ступеньки. Столкнет ногой прямо в клумбу.

Подумав, он решил вернуться на ту же скамейку, с которой поднялся несколько минут назад. До нее, он точно знал, не доставала ресторанная видеокамера. Других в радиусе двадцати метров не было.

Он шел очень медленно, ноги почти не слушались. То ли от голода, то ли от очередного крушения надежд.

У него не получилось. Опять ничего не получилось! Он неудачник и слабак. Ему бы сил побольше, он бы смог оттеснить охранника от входа в обеденный зал. Быстрым шагом добрался бы до столика, где жрало чудовище. И разрядил всю обойму ему в голову.

Нет, не всю. Последний патрон предназначался ему лично. Он не должен был оставаться жить с клеймом убийцы. Но...

Но ничего этого не случилось. Пистолет, плотно прижатый ремнем к его спине, по-прежнему давил на позвоночник. Обойма была полна. А жирный гадкий человек сейчас сидел за обеденным столом и отпускал свои мерзкие шуточки.

— Мужчина, тут свободно?

Он не стал поднимать взгляда, отметив, что это опять та самая женщина подошла к нему. Тот же пушок рыжеватых волос на икрах. Те же рваные босоножки со стоптанной пробковой подо-

швой. И подол ситцевого то ли платья, то ли сарафана.

Она нарочно, что ли, его тут стережет? Он один раз уже освободил ей всю скамью, поднявшись и отправившись в ресторан. Чего ей снова надо? Денег? Обшарить его карманы хочет?

Пустьшая затея. Он почти пуст. Мелочь какая-то осталась от сдачи с очков. И ключи от квартиры в почтовом ящике. Мобильный телефон дома, выключен.

— Свободно. Присаживайтесь. — Он чуть сдвинулся в сторону, по-прежнему не поднимая глаз на женщину.

— Вы грустите? — вдруг зачем-то спросила она.

Он не хотел ни с кем разговаривать. Все, чего он желал, это смерти своему врагу и себе лично.

— Нет. Все в порядке, — ответил он быстро.

— Вам не удалось? — Она неожиданно поддвинулась по скамье, потом еще и еще, сев почти вплотную. И прошептала ему на ухо: — Не удалось наказать чудовище, которое превратило вашу жизнь в кошмар?

— П-простите! — возмутился он с запинкой. — Кто вы?!

— Я? Можно сказать, я добрая фея! — рассмееялась она тихо, и смех ее показался ему знакомым. — И сейчас я часть вашего желания исполню.

И тогда он взглянул на нее. Без очков, он их поднял на лоб. И поразился тому, насколько эта женщина оказалась молодой. Она была почти девочкой. Конопатое лицо без единой морщинки,

пухлый рот, над высоким лбом мелкие рыжие кудряшки. Она была бы милой, если бы не ее глаза. Они смотрели холодно, зло, надменно. И... знакомо.

— Кто вы? Я вас знаю? — повторил он срывающимся на истеричный шепот голосом. — Что вам от меня нужно? Что вы хотите?

— Я хочу избавить вас от страданий, Павел Семенович, — произнесла она тихо.

В следующее мгновение она подалась вперед, легла грудью ему на грудь. И в тот же момент острая боль прошла его левый бок. Прямо между ребрами, в самое сердце.

Нет, все же она, видимо, немного промахнулась, потому что прежде, чем умереть, Павел Семенович успел с сожалением подумать: алчное чудовище все же обыграло его снова.

ГЛАВА 2

— Машка, просыпайся. — По заду хлопнули полотенцем. — Не успеешь, опоздаешь, нарвешься.

Старший брат для надежности поставил ступню на то место, куда ударил полотенцем, и качнул ее раз-другой. Маша приоткрыла глаза, уставилась на серый прямоугольник окна — она его никогда не занавешивала. В ее комнате вовсе не было штор. Зачем они нужны на двадцатом этаже дома окнами на север и густой лес? Солнце в них не заглядывает. Подсматривать некому: лес напротив. Без штор появлялась возможность наблюдать звездное небо и погоду за окном. Серый цвет

сейчас, к примеру, предсказывал непогоду. Если нет дождя — хорошо. Если с небес льет — худо. Мишка загнал машину в сервис на ремонт три дня назад. До остановки метро из их нового микрорайона на окраине надо было добираться автобусом. А ходили они как бог на душу положит. Могли и вовсе не заехать на их конечную остановку. Ну, не срослось. Водила передумал.

— Дождь? — спросила она из-под подушки, которой накрыла голову.

— Нет. Но если ты будешь медлить, польет непременно. И придется скакать по грязи до остановки. Вставай, завтрак я приготовил. У тебя десять минут.

Маша, как всегда, управилась за пять. Постель она не заправляла, просто накрывала одеялом. Душ принимала за две минуты. Вытиралась, чистила зубы — еще две минуты. Смотрела на себя в зеркало, одевалась и причесывалась — минута. Ровно через пять минут она сидела за столом.

— Точно пять минут! — посмотрел Миша на свои наручные часы. — Как это у тебя получается, сестренка?

— Привычка, — буркнула она, хмуро посмотрев в тарелку с овсяной кашей. — Я терпеть ее не могу, знаешь, да?

— Ешь, — приказал брат. — Твой желудок скоро тебя подведет. И таблетки не помогут. Кофе, кофе, кофе...

— Иногда чай, — вставила она.

Взяла ложку со стола и с печальным вздохом погрузила ее в жижу грязного цвета.

— Если бы ты его по-настоящему любила, а не по привычке, можно было бы мириться. Я бы тебе столько разных сортов порекомендовал...

— Замолчи, а? — взмолилась Маша и принялась набивать рот кашей, быстро ее проглатывая.

— Молодец, — похвалил ее Миша, забирая пустую тарелку и ставя перед ней чашку с кофе. — Но торопиться так не следовало.

— С молоком? — недовольно поморщилась Маша, заглядывая в чашку.

— С молоком. Пей и выходим. Готовность три минуты.

Она справилась за две. И готова была раньше брата. Пока он обулся, еще раз прошелся губкой по начищенным ботинкам, застегнул легкую куртку до подбородка, посмотрел еще раз на себя в зеркало, Маша уже стояла в лифте и держала палец на нужной кнопке.

Хотя, если разобраться, особой необходимости в этом не было. Лифтом пользовались в это время они одни. Подъезд был практически необитаем. Строители, которые делали ремонт будущим жильцам, подтягивались ближе к девяти утра. Маша с Мишей в это время уже сидели на оперативном совещании у полковника Зорина — мужика сурового, но справедливого.

Зорин неохотно взял Машу на службу в отдел, где уже работал ее старший брат. Морщилась, перечислял причины своего нежелания. Миша был настойчив, мотивируя тем, что их неожиданное сиротство совершенно снесло крышу Машке, и ему требуется ее держать к себе поближе. Хотя

бы пока. Когда Зорин узнал, как именно погибли их родители, задумался. И через пару недель рапорт о Машинном переводе подписал.

— Не заставляй меня пожалеть о своем поступке, Лунина, — посмотрел на нее исподлобья Зорин, вручая ей служебное удостоверение. — Брата не подведи. Все пошли тебе навстречу, так что будь молодцом.

— Так точно, товарищ полковник.

Маша в ту минуту стояла перед Зориным невытяжку и недоумевала. Зачем этим всем было идти ей навстречу? Она вовсе не собиралась переводиться в Москву. Ей и в своем городе неплохо служилось. Мишка настоял. Мотивировал тем, что ему после гибели родителей совершенно было без нее невозможно.

— Мне тоскливо, понимаешь? Ты все, что у меня осталось! Больше родных и близких, кроме тебя, нет, Машка...

Маша была хорошим опером и прекрасно понимала, что Миша убрал ее из их родного города с одной лишь целью: чтобы она перестала искать виновных в гибели их родителей. На момент ее перевода в Москву прошло два года с того дня, как их не стало. В Москве она уже жила год. И все эти два года до перевода Маша не успокаивалась и искала, искала, искала... Она до такой степени зациклилась на своем расследовании, что каждое похожее происшествие в их городе и окрестностях подтягивала к нему. Сначала озвучивала свои версии коллегам, потом, когда на нее уже начали коситься, замолчала. Но дело свое не оставила.

— Забери ты ее отсюда, иначе она свихнется! — потребовал от Миши его лучший друг, работавший с Машей в одном отделе. — И нас всех с ума сведет.

Миша забрал.

Пожалел он или нет, Маша не знала. Но старалась его не подводить. Работала, как и всегда, с полной отдачей. Дня нормированного не имела, личных отношений избегала. У Миши, она догадывалась, кто-то был. Но он почему-то тщательно оберегал свою лавстори от посторонних глаз и мнений.

Как только Маша перевелась в Москву, они сняли двухкомнатную квартиру в новостройке на окраине.

— Новая, с шикарным ремонтом — раз. Недорогая арендная плата — два. Пробок на Москву отсюда нет — три. С учетом недорогой арендной платы можешь, Маша, копить себе на что-то, — перечислял он ей преимущества полуторачасовой дороги до работы.

— На что, например? — интересовалась она вежливо.

— Ну... На машину. Или квартиру.

— У меня все это есть. Забыл? И квартира есть, и дом, и машина.

Все это осталось в их городе, который они покинули. И квартиру, и дом, и машину переписала на Машу ее тетка по отцу, который Мише был отчимом. Все это уже три года стояло «заколоченным». Притрагиваться к добру, оставшемуся после теткой смерти, Маше не хотелось.

Да и некогда было все это выставлять на продажу, заниматься оформлением документов купли-продажи. Она платила налоги и по счетам за коммуналку, а запустить процесс избавления от имущества, навязанного ей, не пыталась.

— Ну, ты же никогда туда не вернешься, Машка, — волновался Мишка. — Разве нет?

— Не вернусь. — Она теперь в этом была уверена. — Мне понравилась Москва...

И деньги все равно собирала. Ей их просто-напросто некуда было тратить. Арендная плата была невысокой. Питались они правильно и неприсотливо. Всей одежды у нее было — четыре сезонных спортивных костюма и куртки под них с кроссовками. Форму выдавали бесплатно. Всякие разные платица, юбочки, каблучки остались для нее в прошлом. Все это висело зачехленным в шкафах квартиры и дома, завещанных ей теткой по отцу...

Они выходили из подъезда, когда из-за дальнего поворота показался их автобус.

— Бежим! — скомандовал Миша.

И они побежали. Успели как раз к моменту закрывания дверей. Водитель открыл двери заново. Автобус был почти пустым. Новостройки заселялись медленно. Маша сразу нашла себе место поудобнее, уселась, прислонившись головой к стеклу. И сразу закрыла глаза. До метро можно было поспать.

Но сон, против обыкновения, не шел. Отвратительная погода, принявшаяся обильно сдабривать утреннюю серость мелким дождем, пробудила нехорошие воспоминания.

Таким же вот утром в ее дверь постучали и сообщили страшную весть.

Она жила отдельно от родителей. Сразу, как пошла работать, съехала на «съемку». Миша в телефонном разговоре ее поддержал, сказал, что правильно сделала. Родители со временем смирились, но все время зазывали ее в гости и сами навещались, иногда и без предупреждения. Честно? Тем пасмурным утром два года назад она снова подумала, что это они молотят в ее дверь. Было же воскресенье. У нее выходной.

Но за дверью стояли два опера из отдела, где Маша работала.

— А позвонить? — спросонья она щурилась на парней и совсем не понимала скорбности их лиц. — Вызов? Срочный? Я сейчас...

— Маша, погоди, — схватил ее за длинный рукав пижамной кофты один из оперативников. — Есть разговор.

— Идем в кухню. Сварю кофе, —скомандовала она.

По тому, как они шли за ней, как рассаживались, как тщательно прятали глаза, она начала соображать. Что-то было не так. У нее выходной, вызвать ее не могли. Да позвонили бы, елки! Она в выходной «банила» всех, кроме дежурной части.

Что-то было не так.

— Что? Говорите! — потребовала она, ставя на стол две чашки с кофе.

— Маша, были обнаружены тела твоих родителей, — обрушил на нее страшную новость старший по званию оперативник.

Она застыла посреди кухни с разведенными в стороны руками, в нелепой, растянувшейся на три размера пижаме. Странная мысль посетила ее в то мгновение: она должна была переодеться. Тот, что сидел слева за столом и был моложе, ей все же нравился, а она как дура, в широченных штанах и кофте с рукавами до коленей.

— Где? — спросила она.

— В гараже. Они... Они покончили с собой, сунув шланг от выхлопной трубы в салон автомобиля. А перед этим выпили снотворное.

— Что, уже и экспертиза случилась? — прищурилась она, широко раздувая ноздри.

— Нет. Это предварительное заключение.

— Сделанное на основании чего? — Она вытянула шею и призывно замахала руками. Длинные рукава сползли, и она была похожа на Пьеро. — Давайте, парни, давайте, рожайте!

— Пустые упаковки найдены рядом с чашками с чаем на верстаке. Чашки тоже почти пусты. Еще там было недопитое вино. Полбутылки. И бокалы. И...

— Бред! — выпалила она, перебивая. — Они не могли! Зачем?!

— У них были проблемы в бизнесе, Маша.

— У всех проблемы в бизнесе! — уже орала она.

— Они оставили посмертную записку для следствия, Маша. И одно письмо лично тебе. Вот оно...

Он достал из кармана штанов белый конверт, на котором красивым маминым почерком было

написано: «Маше». Она судорожно выхватила его, вытащила лист бумаги, исписанный наполовину мамой, наполовину папой. Прочитала несколько раз, вообще не улавливая смысла. А потом...

Потом она принялась крушить все вокруг. И ее еле успокоили. И было тем воскресным утром так же вот слякотно и противно. Сумерки с утра, небо до земли, мелкий ледяной дождь. И она с непокрытой головой и без зонта у дверей морга...

— Выходим, — снова скомандовал Миша.

Накинув на голову капюшон ветровки, Маша пошла за ним по автобусу на выход.

ГЛАВА 3

Когда они вошли и принялись рассаживаться вокруг стола для совещаний, Зорин заканчивал с кем-то телефонный разговор. Неприятный, на повышенных тонах. Закончился он посланием кого-то в неопределенное место.

— Да иди ты! — выпалил Зорин и положил трубку. Осмотрел их всех и хмуро проговорил: — У нас новое дело.

Маша напряглась. Лицо Зорина со сведенными бровями, морщинами, прорезавшими высокий лоб, и побелевшими губами хорошего дела не предвещало.

Какая-то дрянь, навязанная со стороны, принялась она тут же мысленно угадывать. Она такие гнилые дела любила. Кто-то что-то спихнул на их отдел. И у Зорина не вышло отбрыкаться. Почему? Потому что там сто процентов «глухарь».

— В общем, так... На бульваре... — Зорин назвал точный адрес, — напротив ресторана «Фантастик» найдено тело мужчины.

— Товарищ полковник, так это же не наша земля, — ожидаемо возмутился майор Никита Подгорный — их с Мишкой коллега и начальник.

— А то я не знаю! — взвился мгновенно Зорин, словно только и ждал его возмущения. — Тело нашли не на нашей земле. А проживал гражданин на нашей! Вот и велено сверху дело забрать. Вопросы?!

Вопросов не нашлось. Хотя у Маши один имелся. И, слегка кашлянув, она спросила:

— Как он умер?

— Шустрая, — то ли похвалил ее Зорин, то ли нет и посмотрел на нее по-особенному. — В этом-то и вся закавыка, Лунина. В причинах его смерти и мотивах.

Зорин на минуту замолчал, погружившись в размышления. Маша ни на кого не смотрела, рассматривая линии на своей правой ладони. Подними она глаза, ослепила бы блеском. И Миша сразу попытался бы увести ее от дела подальше. Потому что, когда его сестра искрится вся таким вот азартом, добра не жди. И сама не станет ни спать, ни есть, и никому не даст. До обморока весь отдел доведет своим энтузиазмом.

— Смерть наступила в результате проникновения острого предмета в область сердца. Предмет на месте. Это заточка. На ней, кроме его пальцев, никаких отпечатков. И никто ничего не видел, разумеется.

— Он пытался остановить убийцу? Хватался за орудие убийства? — сразу сделал предположение Никита Подгорный.

— Это самоубийство? — вырвалось у Маши.

И мгновенно в кабинете повисла тишина.

— Что? — осмотрела она всех, включая Зорина. — Если на орудии убийства только его пальцы, то смело можно предположить, что он так изобретательно решил свести счеты с жизнью. Потому что, если бы он пытался остановить убийцу, случилась бы борьба. Это непременно привлекло бы внимание прохожих. Там очень оживленное место, я его знаю.

— Год в Москве, а все-то она уже знает! — то ли похвалил, то ли осудил ее Зорин. — Но предположение твое, Лунина, верное. Наши коллеги, уставившие личность погибшего, нашли в его квартире посмертную записку. Очень подробную: как, почему и что не следует никого винить, и так далее.

— Если это самоубийство, товарищ полковник, зачем мы? — продолжил ворчать майор Подгорный.

— А затем, майор! Что это кому-то надо! — Нервы у Зорина сдали окончательно, и он принялся орать, толкая руками папки на столе. — Все очень умные! Им не надо, а вы возитесь! И полный отчет к завтрашнему утру по происшествию! Да ладно бы, если бы все так просто было...

И снова последовала пауза. И снова Маша боялась поднимать глаза.

Что-то было не так с этим предполагаемым самоубийством. Что-то страшно не нрави-